

Александра Плен Голос

Концерт должен начаться через полчаса. Рива рассеянно смотрела на трехмерный слепок голозеркала и никак не могла сосредоточиться. Несколько раз она обошла застывшую девушку, стоящую посреди гримерки. Поправила неровно сидящий пояс, передвинула ближе к уху едва заметный микродатчик. Покрутила неудобный массивный браслет, одновременно выполняющий функции и навигатора, и компьютера, и коммутатора. Руки потянулись к звездам, сияющим в волосах. Немного растрепала прическу, и они заблестели еще ярче, рассыпаясь радужным каскадом.

«Живое» платье сидело идеально. Рива залюбовалась выдающимся творением Оскара Лоренты, знаменитого на всю галактику кутюрье. Платье пока находилось в спящей фазе, но когда Рива выйдет на сцену, оно будет меняться в зависимости от высоты взятых нот, освещения и просто в соответствии с заложенной в него программой. С плеч потечет вода и разобьется пенным прибоем у щиколоток. За спиной распахнутся радужные крылья. Платье превратится в огромный бутон розы и раскроет свои лепестки,

являя зрителям в сердцевине цветка прелестную миниатюрную певицу... И много всего прочего, чего она и сама еще не видела, даже на репетициях.

Рива приблизила свое лицо к застывшему лицу девушки. Зря она поймала стоп-кадром этот миг. Между бровей пролегла озабоченная морщинка, губы судорожно сжались, а выражение глаз было, как у побитой собаки. Нет. Так не пойдет. Рива взмахнула рукой и стерла голограмму.

Все раздражало. Эти полчаса перед выходом были крайне важны. За это время Рива приводила мысли и чувства в порядок. Наносила последние штрихи макияжа, копировала удачные позы, гримасы и улыбки. Очищала голову от повседневных мыслей, раскрывала душу и сердце музыке. Впереди тяжелое выматывающее выступление. Ее бенефис. Ее триумф. Она так долго к нему шла...

Рива впервые будет петь в знаменитом Централ Космик Холле. Главная сцена представляла собой огромный шар, сердцевину искусственного спутника, вращающегося вокруг столицы миров Гриз. В центре шара находилась сцена, на которой Рива и будет стоять. Акустика в зале была поразительная. Лучшее, что изобрели архитекторы за сотни лет. Вокруг сцены парили островки, в которых вольготно располагались немногочисленные зрители. Каждый мог или

подлететь к сцене, или вообще создать собственное голографическое изображение певицы перед собой в полный рост... Главное было не это.

Главное — мощное звучание лучшего сопрано галактики. Чарующие переливы, великолепный объемный звук, создающий эффект погружения. Гипнотическое воздействие живого, завораживающего голоса. Ну и еще, конечно, возможность похвастать перед друзьями и знакомыми, что были на концерте великой Ривальдины Холланд.

Находиться в шаре имела возможность лишь элита. За один билет можно было купить небольшую космическую яхту или андроида последней модели, поэтому основная часть любителей музыки услышит выступление через транс-пресс или в записи.

Все было идеально и готово к выступлению. Через маленький транслятор, висевший в гримерке, Рива могла видеть развалившихся на диванах зрителей, попивающих коктейли и болтающих по транскому друг с другом. Она узнала министра образования Рона Долгита и медиамагната Йена Гресс, который в последнее время не давал ей проходу, забрасывая цветами и подарками. Она вздохнула. Сотня богатейших людей галактики ждали ее выступления, и еще недавно она бы отдала все за возможность ощутить этот пьянящий

триумф славы и известности. Но не сейчас... Конкретно в эту минуту мысли Ривы были далеки от концерта.

— Подонок, — пробормотала сквозь зубы девушка, — не посмел даже позвонить мне, оставил месседж. Трус.

Из памяти никак не хотело уходить послание мужа: «Дорогая, переведи в течение трех дней триста тысяч кредов на карту. У меня был неудачный вечер».

Самое ужасное, что весь гонорар за еще не состоявшийся концерт, она отправила ему месяц назад. Как и за два следующих выступления, которые даст только через две недели на Альване.

Рива обессиленно опустила в кресло. Концертное платье тут же сжалось по фигуре, становясь более похожим на обтягивающий комбинезон. Рива отдала за великое творение знаменитого кутюрье баснословную сумму. Но не жалела. Нужно поддерживать имидж. Это последнее, что у нее еще осталось.

С огромных гонораров, которые она получала за концерты, Рива оставляла себе не более десяти процентов. Едва хватало на гостиницы и концертные платья. Все остальное забирал супруг. У нее даже не было своего дома, норы в которую она могла заползти, когда становилось совсем плохо. Рива не могла себе позволить и маленькой

тесной квартирке в стоэтажном скворечнике на окраине. Она не платила продюсеру, организационными вопросами занималась лучшая подруга Дана.

Если бы кто спросил, куда госпожа Холланд тратит миллионы, которые получает за выступления, она бы не смогла ответить. Потому, что была в сущности нищей.

И если раньше, год назад, Ноа просто пил, употреблял дорогие наркотики, покупал космические яхты, андроидов, дарил драгоценности, дома, аэромобили любовницам, делал косметические и оздоровительные операции в самых первоклассных клиниках. То сейчас стало совсем неважноту. Ноа принялся играть. Скачки, казино, ставки на боях. А это бесконечная, ненасытная, голодная пасть. Сотни тысяч, миллионы улетали в небо, и конца края этому не было видно.

Рива устало потерла виски...

Она впервые в своей жизни не знала, что делать. Впереди только мрак, отчаяние и глухая безнадежная тоска. Об этом ли она мечтала десять лет назад? К этому ли стремилась?

Всю свою жизнь она убегала от тюрьмы, от нищеты, от бедности, от насилия. От той безрадостной судьбы, которую ей готовила жизнь с рождения. «Не удалось, — грустно улыбнулась

Рива, — какая ирония. Продать душу дьяволу, чтобы выбраться из клетки, и опять в нее же и угодить».

Концерт начнется через полчаса. И как бы плохо ни чувствовала себя прима, как бы ей тяжело не было, шоу должно продолжаться... Рива встала, подошла к зеркалу и растянула губы в очаровательной улыбке.

Часть 1. Эпсилон

На Эпсилоне 235 не должна была существовать жизнь. Планета производила угнетающее впечатление. Когда ее открыли, то сразу же занесли в каталог как закрытую, не пригодную для колонизации, планету. На ней не нашли ни полезных ископаемых, ни воды, ни какой-либо жизни. Атмосфера была так разряжена, что, казалось, еще одна солнечная вспышка, и последние остатки тонкого слоя улетят в космос. На единственном материке Эпсилона температура воздуха полгода была плюс двести градусов по Цельсию, полгода минус сто. Голая выжженная пустыня, по которой бешеные ураганы несли пыль, песок и камни в вечном круговороте.

Никто в своем уме не стал бы жить здесь, но Абдула Забир и был сумасшедшим. Когда он решил выйти на новый уровень космического пиратства,

нужно было оборудовать базу. Причем там, куда никто не сунется.

* * *

Младенчество Рива почти не помнила. В памяти остались только ощущения голода и жажды. А еще вечный, выматывающий страх.

Рива родилась в семье пирата. Хотя выбора у нее не было — все мужчины на Эпсилон 235 были пиратами. Абдула основал поселение на такой закрытой, неприглядной, неприспособленной для жизни планете с далеко идущей целью. И именно поэтому ему так долго удавалось скрываться от космической полиции. Никто бы в кошмарном сне не подумал, что на Эпсилоне можно жить. Но там жили...

В атмосфере было недостаточно кислорода для дыхания, температура на поверхности была убийственной, поэтому Абдула принял решение жить под землей, создав систему коридоров с замкнутой экосистемой. Пиратствуя к тому времени более двадцати лет, он накопил достаточно денег для оборудования базы.

Абдула ушел из знаменитой банды Шаха, забрав с собой десяток преданных головорезов и два шаттла, дальновидно предположив, что рано или поздно их знаменитую банду накроют, так как

полиция уже наступала Шаху на пятки.

И оказался прав. Не прошло и года после его дезертирства, как банду Шаха полностью истребили. Еще одним отрицательным фактором стало то, что изначально они базировались на планете третьего круга Делиу. Она была земного типа, с кислородосодержащей атмосферой, и ее довольно быстро вычислила полиция.

И Шах, и Абдула были выходцами с Тариус 132. Первой планеты, колонизированной приверженцами Аллаха и пророка его Мухаммеда. Причем в самом фундаментальном смысле этого понятия.

* * *

Первая волна колонизации ранжировалась именно по религиозному типу. Вначале улетели Свидетели Иеговы (все уместились на один крейсер), почти сразу же за ними мусульманские радикалы. Их было гораздо больше. Мусульман с огромным воодушевлением спонсировали богатые страны, строя корабли и снаряжая экспедиции (желая, по-видимому, избавиться от слишком агрессивных земных соседей). Затем израильтяне полетели искать землю обетованную. А потом уже просто искатели приключений, бродяги, авантюристы.

В первые сто лет после открытия атомных двигателей, способных разгонять космический корабль до скорости света, с Земли улетело почти четверть населения. К тому времени ученые уже обнаружили несколько десятков планет в соседних системах, пригодных для обитания.

На родной планете стало просторнее и комфортнее. А когда через несколько сотен лет земными учеными были открыты новые способы перемещения на огромные расстояния, основанные на искривлении пространства, оказалось, что улетевшие триста лет назад колонисты, совсем недавно прилетели к месту назначения и только-только начали обживать. Из-за этого временного конфликта и произошло разделение планет по статусу. Первый круг, второй и третий.

Намного более развитые технически земляне и стали правителями в галактике, подчинив отсталые планеты, организовав космическую полицию, флот и военные космические войска, чтобы держать в повиновении остальных. Недовольных было много. Народы, которые первыми улетели с Земли, для обретения свободы пожертвовали всем, но истинной свободы так и не достигли. Восстания жестко подавлялись, ни одна планета не могла соперничать с быстрыми кораблями Федерации, ее вооружением и техникой. За сотню лет Федерация взяла под свой контроль

все двадцать три обитаемых планеты и теперь только с ее разрешения при тщательном отборе и согласии первого круга колонизировались вновь открытые миры.

* * *

Абдула оказался дальновидным человеком, построив базу на Эпсилоне. За десять последующих лет грабежей и похищений людей, подземный город в гранитном каменном каньоне простирался уже на километры лабиринтов с многочисленными ответвлениями, коридорами, залами.

Тактика нападений была следующая. Маленькие шаттлы садились на отдаленные неразвитые планеты вдалеке от межпланетных трасс. За полчаса или час успевали обнести поселок или небольшой городок, забрать самое ценное: продукты, технику, молодых женщин, маленьких мальчиков, воду, одежду и все, что могли унести. Абдула давал своему городу только бесплатный воздух, генерируемый несколькими мощными реакторами, остальное они добывали сами. Из-за скорости нападений и того, что пираты после себя не оставляли живых, их не могли найти очень долго.

Полиция обшаривала все кислородосодержащие планеты в галактике, на это

уходили десятилетия, но не могла найти его логово. Абдула состарился и умер, передав своему старшему сыну Забиру управление уже огромной подземной колонией, насчитывающей к тому времени более нескольких тысяч человек и десятки кораблей.

* * *

Рива была дочерью пилота космического корабля Ахмета Али. Самой младшей и самой нелюбимой. Ей часто доставалось от братьев, сестер и старших жен, а иногда и от самого Ахмета. Поэтому с раннего детства она научилась хорошо прятаться, быстро бегать и растворяться в темных коридорах.

Рождение дочери на Эпсилоне считалось неудачей. Для чего нужна девочка? Вот мальчики сразу же вольются в армию, станут пиратами, будут приносить домой еду, воду, ценности... А девочки? Какая участь уготована им? Жены, наложницы, бесправные и бессловесные. Особенно в обществе, где женщин вообще за людей не считали.

У Ахмета уже было три сына и две дочери от двух жен, когда он привез с пиратской вылазки вместе с награбленным добром молоденькую испуганную девушку по имени Феа, и сделал ее третьей женой.

Красота Феа была ослепительной. Она сияла, как бриллиант, поражала воображение, кружила голову даже такому циничному и жестокому головорезу, как Ахмет. Потом, спустя время, он хвалился, что ему крупно повезло, он нашел Феа раньше всех. Нацепил паранджу, связал, засунул кляп и спрятал у себя на корабле в тайнике, пока другие не заметили. Привез домой и запер в темном подвале... Навеки.

Откуда взялась Феа? Как она попала на маленькую планету третьего круга, которую выбрали своей целью пираты? Неизвестно. Когда девушку привезли, ее тело было украшено золотой живописью и драгоценными камнями, в ушах и на руках сияли звезды. Ее платье представляло собой произведение искусства. Ткань, из которой оно было соткано, состояла из тесно переплетённых микроскопических кристаллов, которые меняли цвет, форму, даже свою структуру. Еще никто и никогда на Эпсилон не видел такого чуда, поэтому Ахмет сразу же снял платье и упрятал в ящик.

Мама почти ничего не рассказывала Риве о своей прошлой жизни. А то, что и рассказывала, Рива в большинстве своем не понимала. Что такое ветер? Солнце? Трава? Как выглядит коктейльная вечеринка, маскарад или ресторан? Она не знала таких понятий. Трава не росла под землей, а светилом им служил автономный прожектор на

атомных батареях. Мама злилась и расстраивалась, когда маленькая Рива переспрашивала. А переспрашивала она часто... Что такое небо? Где живут птицы? Как выглядит море? Каков вкус у яблока?

Мама была тоненькая и хрупкая, часто болела, плакала и никогда не улыбалась, даже когда смотрела на свою дочь. Но странно, все, что она просила у Ахмета, тот давал ей быстро и без возражений. Феа долго была любимой женой. Ей выделили лучшие комнаты, мебель, украшения. Старшие жены ругались и злились, но ничего сделать не могли. Ахмет был от девушки без ума. Была бы Феа более покладистой, сообразительной и здравомыслящей, она могла бы завести друзей и неплохо устроиться даже в таком месте, как Эпсилон. Но Феа желала одного — вернуться домой, а этого Ахмет не мог ей дать...

Феа была, как деликатный оранжерейный цветок, не приспособленный для жизни. Она ничего не умела и не хотела ничему учиться. Ни с кем не разговаривала, воротила нос даже от их доброй соседки Мао, которая частенько подкармливала Риву и обрабатывала ее садины и синяки, достававшиеся от братьев и сестер.

Ее ничего не интересовало. Она могла часами смотреться в зеркало, расчесывать волосы, прихорашиваться и напевать. Могла в одну секунду

из милой красавицы превратиться в фурию, крича и топая ногами, требуя чего-то невозможного. Тогда Ахмет затыкал уши и убегал из комнаты, а Рива от страха пряталась за диван, ничего не понимая. Она всем сердцем желала дать маме то, что она хочет, но не понимала большинства слов и значений. Что такое коктейль? Шампанское? Платье от кутюр? Диадема?

Рива с самого раннего возраста была предоставлена сама себе. Самостоятельно добывала еду и питье. Иногда воровала, чаще зарабатывала, помогая Мао. Приносила маме, потому что та могла позабыть поесть и покормить дочь.

Иногда девочке казалось, что мама ее не любит. Феа прогоняла маленькую Риву из комнаты, иногда даже шлепала. Потом, повзрослев, поняла, что мама сама была еще ребенком, несчастным, брошенным и беспомощным. Глубокая депрессия, в которой постоянно пребывала Феа, ее неустойчивое настроение, слезы, отвратили от красавицы даже Ахмета, который поначалу безмерно восхищался и боготворил ее. Вечные истерики и стоны вскоре надоели, он все реже приходил в комнату супруги.

Рива старалась не докучать маме, ничего не просить, не жаловаться, даже если ей сильно доставалось от братьев. Больше всего она любила, когда мама пела. У Феа был красивый, мелодичный голос, проникновенный и чарующий. Ахмет

частенько приглашал маму в парандже спеть гостям что-нибудь. Но чаще всего она пела у себя в комнате, когда находилась в благодушном настроении. Тогда Рива тихонько замирала, спрятавшись за диван или шкаф, старалась не спугнуть эти чудесные мгновения, повторяя себе под нос и заучивая слова, чтобы потом напеть самой.

В этом страшном мире у Ривы она была единственной опорой, единственным родным человеком. Но иногда девочке казалось, что мама хочет умереть, что атмосфера в подземном городе высасывает из нее жизнь.

Когда отец улетал на грабежи, становилось совсем плохо. Они голодали, так как старшие жены и их сыновья не разрешали появляться на кухне. Эти несколько дней Рива с мамой, сжавшись в комочек, пережидали в своей комнате. Риву накрывала паника — вдруг отец не прилетит, вдруг бросит их здесь, под землей, в темной страшной могиле?... Она видела, как их соседка Джамилия с тремя детьми пошла в рабство к пекарю Гамалю, так как ее муж погиб на одной из вылазок. Запасы воды и еды вскоре закончились, а под землей достать их было негде...

Маленькое сердечко девочки выпрыгивало из груди от страха, но она старалась в первую очередь успокоить маму:

— Все будет хорошо, мамочка. Я уже большая, я могу убирать и стирать, я буду работать и прокормлю нас...

Феа рыдала, а Рива гладила маму по голове, тихонечко напевая ее же песни.

* * *

К семи годам Рива начала петь на рыночной площади. Мао попросила ее спеть несколько песен возле своей лавки для привлечения покупателей. Всем так понравились ее песни, что каждый раз, когда девочка пела возле магазина, собиралась приличная толпа народу. За это Мао давала Риве то бутылку воды, то печенье, то горсть орехов. Заработанное часто отбирали братья, но им с мамой все же что-то перепало.

Рива очень любила петь. Она словно попадала в другой мир, прекрасный, светлый, солнечный. О таком мире иногда, очень редко, ей рассказывала мама. О том, как огромный желтый шар сияет над головами, как шумят листья и поют птицы, как прекрасен закат над океаном. Какие чудесные на вкус апельсины и как пьянит шампанское. Рива половины не понимала из этих рассказов, но внимательно слушала и фантазировала, представляя сказочные видения.

У нее отрылся красивый сильный голос. И

только тогда, когда впервые услышав, как Рива поет на площади, Феа обратила на нее пристальное внимание. То ли она, наконец, увидела, что девочка похожа на нее, то ли просто смирилась со своим положением и перестала надеяться, что ее спасут, но после восьми лет нахождения в подземном городе, Феа, в конце концов, стала более спокойной и уравновешенной. Она начала серьезно заниматься с дочкой. Учила ее математике и общегалактическому языку. Рассказывала об истории создания трех кругов планет. Они вместе заучивали стихи и песни. У Феа заблестели глаза, она воспаряла духом. Ахмет опять стал обращать на нее внимание и чаще приходил в спальню. Она опять стала возлюбленной женой.

* * *

В десять лет Риву чуть было не выдали замуж. Для девочек, рожденных на Эпсилоне, возраст десять-двенадцать лет был обычным возрастом начала супружеской жизни. Риву заметил Бакир, когда та пела на рыночной площади. Тридцати трех летний командир третьего крыла штурмовиков пришел в дом к Ахмету с подарками и предложением взять Риву четвертой женой. Ахмет было согласился, но тут его любимая Феа закатила истерику. Она была на восьмом месяце.

Беременность протекала очень тяжело, и Ахмет уступил.

— Она еще ребенок! — Плакала Феа. —
Посмотри на нее...

Рива действительно пропорциями пошла в мать. Черные волосы, большие темные глаза и оливковая кожа достались ей от отца, но хрупкие косточки и тонкая мальчишеская фигура были копией Феа.

— Ты убьешь ее, это верная смерть. — Мать прижала к себе Риву, непонимающе хлопающую глазами.

Какое замужество? Чье? Почему мама плачет?

— Хорошо, — кивнул Ахмет, — будь, по-твоему. Я откажу Бакиру. Ты права. Если девочка пойдет в тебя, станет такой же красавицей, то я за нее получу гораздо больше денег, чем сейчас.

Феа успокоено вздохнула. Пусть думает, что главное деньги. Пусть подождет, когда красота Ривы расцветет. Главное — оттянуть время. Сейчас Рива была похожа на нескладного лягушонка. Огромные темные глаза на узком худом личике, непропорционально большой рот, вьющиеся вечно растрепанные черные волосы, тонкие ручки и ножки. Какая из нее невеста?

Второго ребенка (это оказался мальчик) Феа рожала в муках. Если бы на Эпсилоне был хороший

врач или оборудованная по последнему слову техники больница, возможно, все было бы по-другому... Но старая подслеповатая повитуха не заканчивала университетов и философски восприняла данную ситуацию.

— На все воля Аллаха, — сказала она Риве, в страхе застывшей возле кровати.

Потом завернула мертвого ребенка в одеяло и спокойно вышла за дверь.

— Но как же... — пискнула Рива, — мама? Она же... Столько крови... Подождите! — крикнув, бросилась за повитухой.

Она звала, плакала, дергала за платье и просила вернуться. Старуха остановилась и посмотрела на девочку.

— Я ничего не могу сделать, — прошамкала она, — слишком большой ребенок. Она потеряла много крови. Зовите муллу, — это уже к бледному Ахмету, вышедшему навстречу повитухе.

— А он спасет маму? — спросила Рива, переводя испуганный взгляд с отца на старуху.

— Конечно, спасет, — уверенно заявила та.

— Тогда я побежала! — крикнула девочка и понеслась по коридору искать священника.

Пока Рива искала муллу, уговаривала поторопиться, тянула за собой, Ахмет стоял возле кровати своей красавицы жены и смотрел, как жизнь уходит из ее тела.

— Пообещай, что не выдашь замуж Риву до шестнадцати лет, — прошептала Феа и протянула тонкую, почти прозрачную руку. — Пообещай... Это мое последнее желание. Исполни его. Ты виноват передо мной...

Феа обессиленно откинулась на подушки. Ахмет сжал тонкие пальчики. Его красавица Феа. Нечаянная радость и гордость. Воздушная, капризная и упрямая. Она не хотела жить в клетке, перестала бороться, сдалась и сейчас уходила от него с улыбкой на губах...

— Пообещай...

— Обещаю.

Рива появилась в спальне мамы с муллой через полчаса. Но опоздала. Мама ускользнула на небо.

* * *

Паранджу на Риву надели в двенадцать. И то только потому, что старшие жены настояли. Ахмет все ждал, когда же Рива превратится в ослепительную красавицу, но она все так же оставалась тощим птенцом. Ее старшие сестры давно вышли замуж, у них уже были свои дети, а Рива все никак не оформилась. Плоская грудь, узкие бедра, чумазое лицо... И только сильный высокий голос привлекал к ней всеобщее внимание.

В мечеть ее не пускали, но мулла позволил ей петь молитвы по праздникам, сидя во дворе. Потому что именно благодаря ее пению собиралось больше всего прихожан.

Тогда и услышал ее Забир. В то время сыну основателя колонии исполнилось сорок пять. У него был огромный подземный дворец, простилавшийся на тысячи квадратных метров. Сотни комнат, слуги, даже невиданная роскошь для Эпсилона — бассейн. В его гареме находилось тридцать наложниц, самых красивых женщин, похищенных в набегах. Но он захотел Риву. Ахмет не посмел отказать боссу, хоть дочери и исполнилось всего пятнадцать лет.

Старшие жены отца вздохнули — наконец, девчонка покинет их дом. Одним ртом станет меньше. Мао плакала больше всех. Она помогала Риве готовиться к семейной жизни. Рассказала, как будет происходить первая ночь с мужчиной, что он будет делать, что должна делать она. Дала баночку с мазью и потребовала, чтобы Рива пообещала намазаться в первый раз, иначе будет больно.

Больно все равно было, даже с мазью. Перепуганную девушку привели в спальню Забиру, закутанную с ног до головы. Он приказал ее спеть что-нибудь веселое. Но прерывающийся дрожащий голос не располагал к усладе слуха. Рива хлюпала носом и тряслась от страха. Тогда без всяких

церемоний, Забир бросил ее на кровать и сделал своей. Быстро, грубо и цинично. В цивилизованном обществе, похожий акт можно было назвать изнасилованием, но Рива не была в цивилизованном мире и приняла все, как должное.

* * *

Первые недели жизни в гареме Рива почти не помнила. Ей было страшно, тоскливо и одиноко. Она оказалась в чужом враждебном мире, где было много комнат, коридоров, разноцветная толпа женщин, которые постоянно ссорились и ругались между собой. Она путалась в лабиринтах, в страхе забывала, где находится кухня или комната с душевыми. Над ней насмехались, толкали и бранили.

Но были и плюсы. У каждой девушки была своя прекрасно обставленная комната. Мебель, шкаф с нарядами, зеркало и проигрыватель. В кухонных автоматах вдоволь еды, питья и всяких аппетитных лакомств. Впервые Рива попробовала апельсин и сделала вывод, что ничего вкуснее она в жизни не ела.

Забиру Рива не понравилась. Через пару месяцев он даже подумывал отдать ее кому-нибудь из своих офицеров, как делал с надоевшими наложницами... Несколько раз он брал ее в свою

постель, но худая испуганная девушка была зажата, скулила и дрожала, лишая его тем самым удовольствия. Гораздо приятнее было с Хабибой или Анни. Те умели доставить ему наслаждение.

Но зато как она пела! Слушая ее песни, у пирата все переворачивалось внутри, ему даже хотелось сделать что-нибудь хорошее, чего с ним никогда не происходило. Погладить или покормить девушку, или подарить что-нибудь красивое. В итоге он оставил Риву в гареме как развлечение. Приглашал на вечеринки, дружеские посиделки. Рива пела и вполне серьезно считала, что ей крупно повезло в жизни. Она сыта, одета, живет в благополучии и довольстве. Ей разрешают везде бродить и заниматься своими делами. Но и что, что иногда приходится ходить к Забиру в спальню? Немного страшно и больно, но это бывает так редко...

* * *

В гареме Рива так ни с кем близко не сошлась. Не потому, что женщины были злые или плохо к ней относились... Здесь никто не имел ни подруг, ни друзей. Каждая была сама по себе. Ее не рассматривали как соперницу. Ни красотой, ни умением ублажать господина Рива не блистала. Какая из нее соперница?

Почти все девушки в гареме являлись пленницами, местными оставались только Рива и две смуглые красавицы — Арма и Кари, дочери офицеров. Текучка была огромная. С каждого набега прибывали новенькие, некоторые находились в гареме не больше нескольких дней, другие задерживались дольше. Самые покорные и умелые становились долгожителями. Кто не мог приспособиться к существованию в подземелье, будь она хоть первой красавицей, уходили быстро. Забир не переносил плач и стенания. Не прощал истерик и выражение хоть какого-то недовольства.

Развлечений во дворце было немного. Пираты привозили всякие новомодные штучки, компьютеры, планшеты, видеофоны и центры развлечений, но в подземелье энергия была на вес золота, поэтому из электронных устройств работали лишь единицы. И те у Забира и его приближенных. Свободное время девушки проводили, укладывая волосы, нанося макияж, делая маникюр и рисуя на теле узоры. Рива же днями просиживала в своей комнате, читая все, что попадалось под руку. Во дворце за неполную сотню лет скопилось много всякого разного добра, добытого в набегах или привезенного с личными вещами пленников.

Риве исполнилось шестнадцать. Почти год она в гареме. Научилась увиливать от прямых вопросов, не обращать внимания на саркастические шпильки от местных красавиц. Игнорировать сплетни, ловко избегать домогательств Забира и его офицеров.

Рива, читая Коран и заучивая намазы, никак не могла понять, что за религия царствует на Эпсилоне. Неестественный сплав ислама и каких-то странных языческих вакханалий. Паранджи, многоженство, судный день, соблюдение постов — это понятно. Но в то же время существовало рабство, проституция и алкоголь, который с таким воодушевлением употреблял Забир. Наложниц он частенько «одалживал» своим офицерам, особенно надоевших. У господина было две официальные жены, дочери его ближайших сподвижников (потомки из той десятки, что ушли с его отцом из банды Шаха), и около тридцати разновозрастных наложниц. Рива незаметно влилась в эту пеструю толпу, вела себя тихо и кротко, стараясь лишний раз не попадаться на глаза. Пела, когда приглашали на вечеринки, а в остальном отсиживалась в своей комнатке.

Никто не вспомнил о ее шестнадцатилетии, она сама отметила день рождения куском пирожного и стаканом сока.

Ривальдина. Так ее назвала мама. Ахмет

упирался, хотел что-то более традиционное. Рамиля или Салима. Но мама (тогда еще любимая жена) настояла. Теперь Рива носила странное, длинное, непонятное имя — единственный подарок от мамы, кроме своего рождения. Она крепко держалась за него, повторяя «Ривальдина, Ривальдина», словно это хоть на секунду могло вернуть ей маму.

* * *

Поздно вечером в дверь громко постучали. Рива резко захлопнула книгу, сердце тревожно екнуло.

— Господин зовет! — Рявкнул Жак, заглянув в комнату.

Бледное лицо молодого слуги выражало любопытство. Он был почти ровесником Ривы. Привезен еще пятилетним мальчишкой из какого-то набега, а сейчас работал в гареме на побегушках.

— Быстро одевайся.

— А что ему нужно, не знаешь? — осторожно поинтересовалась та, опасаясь худшего, из-за чего Забир мог позвать ее к себе.

— Они там празднуют, — услышав это, девушка облегченно выдохнула, накидывая широкую накидку и укутывая голову. — Тебя петь зовут. Там такое творится...

Жак придержал дверь, Рива выскользнула из

комнаты и быстро пошла по коридору, слушая вполуха Жака и попутно вспоминая сплетни, которые ходили по гарему на протяжении последних нескольких дней.

Два дня назад Забир совершил особенно удачный налет на планету второго круга, что само по себе являлось чудом (до этого они нападали только на отсталые планеты третьего). В этом им помог какой-то новый наемник. Вроде как переметнулся в банду Забира из космической полиции два месяца назад. Поговаривали, что на службе его сильно обидели, то ли обошли при повышении, то ли не заплатили гонорар, то ли подрался с начальником. Не столь важно. Важно то, что он пообещал им отомстить. Навел мосты через дальних знакомых с Тариуса и поджидал Забира у информатора. Там они и встретились.

Новоиспеченный пират сразу же сдал пиратам военную базу с техникой и как первый взнос привел новый шаттл. Рассказал много секретов Федерации и нарисовал карту патрулирования полицейскими крейсерами. Настоящая находка.

В гареме ходили самые разные слухи о новом офицере. Забир долго и тщательно его проверял, тестировал. В том числе и на детекторе лжи. Тот прошел все проверки. И последним испытанием стал совместный налет на планету Руна 2.

И теперь они праздновали... Танцы, музыка,

полуобнаженные наложницы, великолепные напитки и кушанья. Риву позвали, когда все уже хорошо напилось, и Забир похвастался, что у него есть своя оперная певица, талант, самородок.

Рива прошла через всю комнату и остановилась в центре, не доходя до лежащих на подушках мужчин около пяти метров. Она специально одела самую темную и закрытую паранджу, хотя во дворце можно было ее не носить. И сейчас, стоя перед пьяными мужчинами, Рива боялась. Такие вот оргии часто плохо заканчивались и для нее в том числе. Забир становился зверем, грубым, жестоким. Он тащил ее к себе в спальню, и ей не всегда удавалось увернуться, спрятаться или отвлечь его внимание.

— Чего желаете, господин? — покорно произнесла девушка, склонив голову.

— Спой, детка, что-нибудь такое...

Забир уже плохо ворочал языком. Он сидел, согнув под собой ноги и откинувшись на подушки, грузный, бородатый, неряшливый, обнимая одной рукой Анни, свою фаворитку. По другую сторону сидел незнакомый худощавый мужчина. «Наверное, тот самый предатель», — подумала девушка.

Мужчина со стороны тоже казался пьяным, но только с первого взгляда. Со второго становилось ясно, что это только маска. Глаза смотрели внимательно и настороженно, и, казалось, не

упускали из виду ничего вокруг. Расслабленная поза, бокал в руке, издевательская ухмылка на тонких губах и арктический холод во взгляде — таким он показался Риве.

«Обычный наемник. Через паранджу он меня не увидит», — заметив долгий взгляд в свою сторону, подумала она.

— Ну! — капризно крикнул Забир. — Давай же, пой! Развлеки нас!

Девушка глубоко вздохнула и взяла первую ноту. Чистый чарующий звук разлился в огромном зале. Она решила спеть «Балладу о рыцаре», любимую песню мамы, которую та пела, когда была в грустном настроении. Песня повествовала о прекрасной даме, запертой в башне, и о доблестном рыцаре, спешащем ей на помощь. Принцесса долгие годы ждала спасителя, волосы ее белели, на лице проступали морщины, а рыцарь все не ехал, и не ехал... Ветер путал дороги, злой дух поворачивал на распутье коня не в ту сторону, ржавел меч и в итоге рыцарь приехал слишком поздно — девушка умерла от старости.

Маленькая Рива не понимала, кто такие рыцарь и принцесса, но послушно заучила наизусть стихи и сейчас по памяти восстанавливала мелодию. Возможно, получилось не очень точно, но зато проникновенно и свежо. Ее интерпретация арии была так восхитительна, что мужчина,

сидевший рядом с Забиром, после первых же нот подался вперед всем телом и до конца песни не отрывал взгляд от паранджи. Бокал с вином был забыт, все мысли вылетели из головы, остался только он и певица в пустом зале.

Вокруг все замерло. Воздух, казалось, накалился и завибрировал от сильного высокого голоса девушки, хрустальных переливов, невысказанных взлетов и падений. Этот голос швырял в бездну и поднимал на крыльях в небо. Он заставлял трепетать сердце и стремиться совершить подвиг. Он брал в руки сердце и вынимал его из груди, вместе с кровавыми обрывками души.

Мужчина почувствовал, как глазам стало горячо. Мороз продрал по коже. Такого с ним еще никогда не случалось... Он на мгновение прикрыл веки, пряча взгляд. Эта певица действительно нечто...

Рива закончила. Послышались редкие хлопки, пьяные возгласы... «Еще! Еще!»

— Арти, — хлопнул по плечу Забир своего нового товарища, — я смотрю, тебе понравилось, как поет моя девочка...

Тот нехотя кивнул. Это было очевидно.

— А хочешь я дам тебе ее на ночь? Развлечешься... — Забир пьяно расхохотался. Рива похолодела, нервно сцепив ладони в замок под плащом. Дела совсем плохи. Впервые Забир отдает

ее своим офицерам. Что же придумать? Мысли заметались в поисках решения...

Мужчина ничего не ответил. Одним плавным движением поднялся на ноги, покачнулся, словно вспомнив, что он пьян. И медленно двинулся к девушке. Рива сглотнула. «Это конец», — панически билось в голове. Если пьяного Забира еще можно было обмануть, отвлечь песней, перевести внимание с себя на кого-то другого, то новый офицер вгонял в панику. Его глаза... Глаза хищника. Из них смотрела смерть.

Рива наблюдала за неспешными движениями мужчины, потихоньку, крошечными шажками отступая назад. Кроме плавности движений и бесстрастности во взгляде, пожалуй, он ничем от пиратов не отличался. Лицо какое-то гладкое, невыразительное, простоватое. Расставшись с ним сейчас, Рива завтра могла бы его и не вспомнить. Не красавец и не урод. Не толстый и не худой. Не блондин и не брюнет. Одетый в полувоенный комбинезон цвета хаки, в каких щеголяют все пираты из банды. Ничего запоминающегося в его внешности не было. Пожалуй, только выражение глаз.

Мужчина подошел вплотную и остановился в считанных сантиметрах от девушки. Рива дрожала не переставая. Спина покрылась липким холодным потом, мир за черной решеткой паранджи сузился

до лишнего всякого выражения бледного лица наемника.

Его рука медленно приподняла ткань. Блеклые холодные глаза встретились с ее испуганными карими. Несколько секунд офицер не двигался, словно погрузился в транс. Потом резко опустил паранджу и развернулся на сто восемьдесят градусов. Рива от облегчения покачнулась.

— Дети меня не интересуют, — бросил насмешливо мужчина.

Быстрыми широкими шагами пересек комнату и упал на ковер рядом с Забиром. Тот пьяно захохотал.

— Ты прав, Арти! — Забир хлопнул в ладоши, подзывая двух девушек. — Скулит и плачет, никакого удовольствия. Вот эти тебе больше подойдут.

Офицер дернул на себя руку блондинки и та, хихикнув, упала в его объятия. Началось... Забир словно дал невидимый знак, комната в одно мгновение погрузилась в вакханалию. Мужчины хватали женщин, тащили к себе на колени, забирались им под юбки. Всюду слышался смех, вскрики, стоны...

Рива пятилась назад, осторожно оглядываясь, стараясь случайно не наткнуться на пьяного пирата. Она не видела, что наемник, лаская блондинку, проводил ее внимательным взглядом, так же

пристально, как и она, осматривая огромную комнату. Рива благополучно добралась до двери и быстро, словно пуля, вылетела в коридор.

* * *

А через неделю свершилось ужасное — на базу напали. Космическая полиция отыскала логово пиратов, или кто-то навел их на него. Были одновременно отключены все системы слежения за орбитой, сигнализации и датчики. Корабли оказались повреждены и не смогли взлететь, были заблокированы выходы из туннелей на поверхность и аэродром. Забир понял, что его предали, только тогда, когда планету взяли в плотное кольцо кораблей Федерации, а солдаты оказались внутри подземного города. И кто предал — его новый офицер!

Карательная (или спасательная, с какой стороны посмотреть) операция была проведена блестяще. Коридоры за десять минут оказались перекрыты, туннели отрезаны от шаттлов. Дворец Забира окружен и заблокирован. Где бандитов не удавалось выковырять из неприступных убежищ, использовался газ.

Рано утром страшные люди в масках с оружием наперевес согнали всех девушек в самую большую комнату для торжеств. Заперли снаружи

двери, полностью перекрыв оба выхода. На почти тридцать человек оставили пять бутылок воды и несколько пакетов с сухими пайками. Рива не хотела ни пить, ни есть, она уже привыкла голодать и не слишком огорчалась. Ее занимали более насущные проблемы.

Знакомый мир опять рухнул в бездну. Только-только она привыкла и смирилась с жизнью в гареме, нашла плюсы и способы выживания. Научилась ладить с соседками и увиливать (в большинстве случаев) от господина...

Рива еще не поняла закономерность своих удач. Часто ей удавалось перевести внимание Забира с себя на что-то другое, иногда нет... Или удача здесь не при чем, и виновато просто неустойчивое настроение ее хозяина?

В общем, жизнь в последнее время наладилась, и вдруг опять катастрофа. Сердце сжималось от тревоги и нехорошего предчувствия. И пусть остальные девушки радовались и убеждали, что все будет замечательно, она им не верила.

Иной жизни Рива не знала и не представляла, что за мир ждет ее за стенами туннелей. С одной стороны она хотела увидеть солнце, о котором рассказывала мама. С другой — слишком часто Рива встречала в жизни обман, подлость и коварство, чтобы рассчитывать на безоблачное

будущее после освобождения. То, что пираты грабили (и ее отец в том числе) и убивали, это, конечно, плохо... Но и полицейские не показались ей хорошими парнями. Они грубо обращались с девушками, разлучили матерей с маленькими детьми, уведя последних в другую комнату. И если им дали столько же еды и питья, как и наложницам, то дети сейчас плачут от голода и жажды.

Но как бы там ни было, Рива не властна над ситуацией. Ей остается только ждать...

Остальные девушки не могли усидеть на месте. Бегали по комнате, заламывая руки. Смеялись и плакали от счастья. Рива сидела тихонько на полу возле бассейна и переводила взгляд с одного радостного лица на другое.

— Рива! Это же замечательно! — подбежала к ней Софья и схватила за руку.

Софью привезли всего полгода назад, и ей было очень трудно привыкать к жизни в подземелье. Они с Ривой подружились, настолько, насколько это было возможно в гареме.

— Рива, — тормошила ее Софья, — ну скажи, что ты рада. Мы скоро будем дома! Космическая полиция нас освободит, и мы улетим!

«Куда улетим? — подумала Рива грустно. — Мне, увы, лететь некуда».

Она оглянулась. Сзади сидели две ее товарки, такие же, как и она, местные. Они, так же, как и

Рива, пребывали в недоумении и растерянности. В глазах застыл страх неизвестности.

* * *

Человек, которого знали здесь как Артура Бредли, уверенно шел по лабиринтам коридоров. Его тело облегал пуленепробиваемый комбинезон, в котором можно было спокойно выйти в открытый космос, совершить заплыв в лаве в жерле вулкана или погрузиться в бассейн с серной кислотой. Арт был весь обвешан оружием, датчиками, камерами, и знал, что выглядит как монстр из страшных сказок. Но это не волновало мужчину. Все его люди выглядели так. Полицейский или наемник, экипированный по современным военным технологиям, представлял собой совершенную, почти неуязвимую машину для убийств. И был в некоторых случаях даже лучше, чем боевые андрониды.

В тех операциях, где были нужны хитрость, смекалка или изворотливость, грубая тупая сила роботов не помогала. Особенно, где присутствовали гражданские и дети...

Арт раздраженно чертыхнулся. После того как год назад Комитетом был принят закон о запрете смертной казни, каждая полицейская операция превращалась в чудеса изобретательности. Именно

поэтому, для таких, как Арт, всегда находилась работа.

Он ушел из космической полиции два года назад, и это была его третья самостоятельная операция. «И все три прошли блестяще, — хмыкнул он. — Ну почти...»

В какое то время Арту захотелось свободы, независимости от жестких приказов и тупого повиновения. Да и с деньгами стало гораздо лучше. Риск всегда хорошо оплачивался, и чем больше риск, тем больше предлагали денег.

Федерация любила чужими руками завоевывать славу и почести. Комитету не выгодно посылать в пекло любимых офицеров. Победоносная бравая армада прилетала уже на все готовенькое, когда Арт и подобные ему расчищали путь. Зато Комитет мог отрапортовать избирателям и шишкам на Земле и Гризе, что операция прошла без потерь.

Раньше, никто не заморачивался, сколько выживет бандитов, какие будут потери мирного населения или среди полицейских... Можно было списать любые смерти, заплатить небольшую компенсацию, и дело в кармане. Но после недавнего скандала на Тритоне, где в ходе обычной полицейской операции был уничтожен целый город с мирными жителями, журналисты раздули целую травлю на генерала Дорсона, возглавлявшего в то

время Комитет. Полетели головы, половина высшего руководства ушла в отставку, с ними и президент Федерации. Теперешний же выиграл выборы, пообещав отменить смертную казнь и минимизировать потери от полицейских облав. Была создана специальная комиссия, которая следила за каждой громкой операцией, поимкой бандитов или подавлением восстаний.

Конечно, можно было извернуться и держать все в секрете. Но банда Абдулы Забира была слишком известна, и операция по ее захвату готовилась очень долго. Шила в мешке никто утаивать не стал... Наняли наемников. И Арта поставили главным.

* * *

Тренированная, фотографическая память не давала ему заблудиться. Стоило один раз увидеть карту, висевшую в кабинете у Забира, как она отпечаталась намертво в голове. Операция прошла... в целом, успешно. Совсем без потерь, конечно, не обошлось. Придется еще отписываться и придумывать оправдания перед папарацци. Но все потом. Сейчас есть дела поважнее.

Федеральная полиция прибыла пару часов назад. Взяла под свой контроль тюрьмы и временные карцеры. Десять его наемников, с

которыми он штурмовал подземелье (его ударная гвардия), растворились в сотне полицейских. Многие из них (как и Арт) — бывшие солдаты, поэтому им было о чем поговорить...

Но пока не прибудет генерал, он по-прежнему возглавляет операцию... Таков приказ.

Посты расставлены, мужчины в камерах, женщины заперты отдельно, дети отдельно... Еду и питье сейчас разнесут. Завтра прилетят транспортные корабли, в которые погрузят пленников, а потом и заключенных после разбирательств. Подземелье сравняют с землей, точнее взорвут все к чертовой матери! Крейсеры, оснащенные тяжелыми бомбами, уже на орбите.

Прибудут его наниматели из Комитета. Начнутся сортировка и вынесение приговоров. Все это займет почти целый день, даже с учетом автоматических судебных машин. Арт мысленно отметил, что еще нужно записать на диск отчет. Ведь есть погибшие. Значит, генерал потребует объяснительную.

Мужчина выругался сквозь зубы. Забир, идиот, заперся в кабинете с близкими офицерами, детьми и женами и подорвался на взрывчатке. Знал, наверное, что его ждет после ареста...

Еще одна религиозная семья из мужа, двух женщин и четырех детей отравилась угарным газом в подвале. Плюс обычные боевые потери — итого

пятнадцать человек погибших и около трех с половиной тысяч арестованных. Из своих — никого. Куда там тягаться пиратскому оружию против современных импульсных электромагнитных гранат или широкополосного шокера, вырубаящего нервную систему у всех, кто попал в поле его излучения.

Но арестованные — не его проблема. Завтра прилетает Карсон, пусть разбирается со всей толпой. Арт свое дело сделал.

Он еще раз мысленно пробежался по насущным проблемам. Вроде все в порядке, почему же так тревожно на душе? Что-то он упустил из виду. В голову ничего не приходило. «Еще раз проверю посты», — решил в итоге командир и пошел по второму кругу лабиринта.

Из коридора справа вывалились двое наемников из его команды.

— Куда собрались? — строго поинтересовался мужчина. — Почему не на дежурстве?

— Расслабься. — Один из наемников по-дружески хлопнул его по спине. — Нас сменили brave полицейские ребята... Арт — так, кажется, теперь тебя зовут? А? Или лучше называть «Кэм»?

Все трое рассмеялись. Арт давно знал, что его за глаза прозвали «Хамелеоном». Чтобы выполнить поставленную задачу, он умел приспособиться под

любые заданные параметры: изменить внешний вид, поведение, привычки. Сыграть любую роль и просочиться в любую дыру.

Невыразительное лицо, обычная, ничем не примечательная внешность, фигура, которую Арт мог варьировать от худосочного мальчишки, до мускулистого качка. Он даже умел казаться ниже, чем его метр восемьдесят, ссутулив плечи и одеваясь соответственно. Он умел перевоплощаться для любых самых сложных ролей. Сделать вид отмороженного жестокого ублюдка или добропорядочного семьянина. Прилизанного белого воротничка из банка или грязного бомжа. Если он хотел, то становился невидимкой или, наоборот, мужчиной, которого трудно забыть... Его умения маскировки, плюс опыт работы в полиции, феноменальная память и мозги давали ему неплохой заработок. Хотя, иногда приходилось и рисковать...

Но в данной операции риска почти не было. Единственный раз, когда Арту пришлось напрячься, это когда он изворачивался на Руне 2, приведя пиратов на военную базу. Вот тогда пришлось попотеть, чтобы раскиданные трупы из морга (военных, которых он якобы убил) казались свежими, а на базе Забиру не встретился ни один человек.)

За несколько лет работы наемником, он

познакомился со всеми солдатами удачи, промышляющими тем же, что и он. Вступил даже в так называемый «Профсоюз», что напрямую сотрудничал с Комитетом, подкидывая задания, с которыми не справлялась полиция. И пусть в основном наемники работали поодиночке, но Арта уважали, и когда он предложил крупное дельце и по десять тысяч кредитов на нос, почти все, к кому он обратился, согласились.

Шон и Бред стояли в коридоре и переминались с ноги на ногу...

— Мы намерены немного расслабиться, — наконец выдал Шон. — Купер по рации передал, что там такие цыпочки в гареме у главаря обитают. И очень любвеобильные...

Арт нахмурился.

— Это гражданские. Почти все пленницы. Не думаю, что это хорошая идея.

— Купер говорит, что они сами прыгают им на шею и очень даже не против... Дают всем, особенно парням в форме, — Шон заржал. — Пойдем, повеселимся. Завтра все равно все улетают.

Арт задумчиво побрел за парнями. Какой мужчина откажется от красивой доступной женщины, которая сама предлагает себя? Правильно — никакой.

«Ладно, пусть ребята расслабятся, ничего

страшного не случится, — подумал Артур. — Может, и мне махнуть рукой на отчет?» Он вспомнил мягкое теплое тело Джули, ее белые длинные волосы, отзывчивые губы, которые он без устали ласкал неделю назад на вечеринке у Забира, и настроение подпрыгнуло вверх.

* * *

В большой комнате, бывшей когда-то залом для приемов, уже находилось около десяти мужчин в форме и раза в два больше их представительниц прекрасного пола. На столах стояли фрукты, вино и лепешки, вокруг слышался смех и веселье. Бывшие пленницы преобразились и вели себя свободно, развязно, словно сорвались с цепи.

Арт встал возле двери, внимательно оглядел зал, автоматически отмечая угрозы, темные углы, недовольные или агрессивные лица. Нет, вроде все в порядке. Женщины с улыбками на губах обнимали мужчин. Кормили их фруктами, сидели на коленях, целовали и с удовольствием принимали ответные ласки. Ни оскорблений, ни ругани. Значит, можно расслабиться... На краю сознания все же звенело беспокойство. «Интуиция проснулась», — подумал Арт. У него она была прекрасно развита, и он доверял ей даже больше, чем рассудку.

Что-то он упустил... Генерал? Посты? Отчет? Дети? Может, Джули? А, вот она! Девушка так же увидела Артура и с визгом бросилась к нему на шею, вскочив и отпихнув какого-то полицейского. Прижалась роскошным телом и недвусмысленно повела бедрами.

— Пойдем ко мне, — промурлыкала она и с придыханием добавила, — мой герой...

Арт усмехнулся и опустил руку Джули на талию, прижимая к себе льнувшее соблазнительное тело. А неплохая идея! Интуиция пока подождет...

Комната девушки находилась в самом конце коридора. По пути они целовались, как сумасшедшие. Джули принялась стягивать комбинезон, Арт смеясь убрал ее руки. Этот комбинезон так просто не стянуть. Но он был с ней согласен, нужно поторопиться, так как он и сам чувствовал себя возбужденным и нетерпеливым. Девушка была очень хорошенькой, такой, какие ему всегда нравились. Фигуристые блондинки, не притязательные, любвеобильные, глупенькие. Он уже представлял перед собой приятный во всех смыслах вечерок, как услышал приглушенный вскрик.

Внутри все перевернулось. Арт замер, отпихнул Джули, прерывая ее поцелуи, размыкая руки на шее...

Вот опять. По спине Арта пробежали

мурашки. На затылке, как у зверя, встали дыбом волосы. За дверью, мимо которой только что прошли Арт и Джули что-то происходило. Что-то нехорошее. Арт раздумывать не стал. Отошел подальше и сильно толкнул ногой створку в районе замка. Дверь с грохотом распахнулась. В то же мгновенье он увидел обнаженную девушку, сжавшуюся в комочек на полу, поджав к себе колени и закрывшую лицо ладонями, и нависающего над ней мужчину.

— Что здесь происходит?! — мужчина обернулся. — Кaleb?

В глазах последнего сначала мелькнула ярость, потом узнавание, затем замешательство. Кaleb стоял в распахнутом комбинезоне, огромный, мощный, мускулы бугрились на влажной голой груди. Девушка скулила и всхлипывала в углу, зажав кулаком рот.

— Кaleb, неужели тебе мало доступных девушек? — в голосе Арта гроыхал едва сдерживаемый гнев. — В зале полно девиц, бери любую. Но нет.

Арта трясло от злости. Он так давно сросся с насилием, сделал его своей профессией. Закрывал глаза на многое, и сам творил вещи, за которые непременно попадет в ад. Но даже у него, изворотливого, жестокого и бессердечного Хамелеона были четкие принципы. Никогда не

поднимать руку на того, кто слабее, кто не сможет дать сдачи.

— Что теперь скажет Комитет? — распалился Арт, отчитывая огромного насупленного наемника, как мальчишку. — Ее родственники? Изнасилование пленницы спасателем? Журналисты раструбят на всю галактику.

Девушка, услышав злой голос, отняла руки от лица. Арт застыл в оцепенении. Он узнал в обнаженной девушке молоденькую певицу, которая пела балладу о рыцаре. Мокрые глаза со слипшимися ресницами казались огромными на худом узком личике. Через тонкие острые коленки виднелась маленькая грудь с темными сосками. Ребра явственно проступали сквозь кожу. Арта словно ударили под дых изо всей силы. Внутри что-то оборвалось. Он поперхнулся, не в силах вымолвить ни слова.

— Она не пленница, — ехидно вставила Джули, выглядывая из-за плеча. — Это Рива. Она дочь пирата, наложница, и родилась здесь, на Эпсилон.

Арт с силой сжал челюсти, так, что заскрипели зубы. Кaleb заметно расслабился и чуть шагнул вперед, закрывая собой девушку, словно предъявляя на нее свои права.

— Тем более, — развязно произнес, — она завтра ничего не вспомнит!

— Мне все равно! — отрезал Арт. — Правила едины для всех. Я здесь пока командир, и я не собираюсь закрывать глаза на насилие... Я что-то не вижу, чтобы девочка была согласна. Ты посмотри на нее, она еще совсем ребенок!

— Как ублажать Забра и его офицеров, так не ребенок, — огрызнулся наемник.

— Разговор окончен, — холодно произнес Арт. — Или иди ищи себе другую подружку на ночь, или вали в казармы сторожить пленников. Это приказ!

Калевб сжал кулаки. Воздух между двумя неподвижными мужчинами загустился. Пружина, казалось, сейчас распрямится двумя сцепленными в драке сильными телами. Худощавый жилистый Арт проигрывал в росте и весе перед мощным, физически более развитым Калевбом, но тот все же не рискнул ввязаться в драку с самим Хамелеоном.

Калевб язвительно усмехнулся, застегнул комбинезон и нарочито медленно, не спеша, пошел к выходу.

— Оставляю ее тебе, командир, — бросил уже возле двери. — Развлекайся. Хотя там и посмотреть не на что... Кожа да кости.

Арт медленно перевел дыхание. Потом схватил разорванный халат, лежащий на полу, и бросил девушке.

— Одевайся...

Рива отмерла. Все это время она сидела, закусив сначала кулак, потом губу и не могла вымолвить ни слова. Огромный наемник схватил ее, когда она выходила из туалета, зажал рот и потащил в какую-то комнату. Она только хрипела и скулила от страха. «Трусливая тряпка», — корила она себя. Могла бы отбиваться, закричать хотя бы. Но Риву с детства воспитывали в послушании и покорности, и ей даже в голову не пришло, что можно было драться.

Балахон скрыл тонкую худосочную фигуру девушки, и Арт, наконец, смог спокойно вдохнуть. Он отошел в сторону от двери и кивнул ей на выход.

— Пойдем, я отведу тебя в безопасное место, там переночуешь. — Арт слегка подтолкнул девушку в спину.

Девушка вздрогнула, но послушно пошла вперед. Тут Джули схватила наемника за руку.

— А как же я?! — возмутилась она. — Ты что, бросаешь меня из-за нее?

— Я сейчас устрою девушку и вернусь. Подожди...

— Ну уж нет! — встала в позу блондинка. — Если ты уйдешь с ней, я найду себе другое развлечение на вечер.

Арт равнодушно пожал плечами. Нет так нет. Ему почему-то уже не хотелось ни женского тела,

ни ласки. Возбуждение, охватившее его в коридоре, схлынуло. Он даже не пытался скрыть раздражение к настойчивой девице.

— Как хочешь, — бросил не глядя, подхватил Риву под острый локоть и повел по коридору, не обращая внимания на ругательства рассерженной Джули.

Рива шла, низко опустив голову. Мужчина направлял ее, подталкивал, поворачивая в нужный коридор. Он шел быстро, молчал, о чем-то хмурился, иногда чертыхался сквозь зубы. Рива чувствовала тревогу, исходящую от наемника. Она была признательна ему за спасение, хотела поблагодарить, но боялась открыть рот и нарушить его невеселые мысли.

В конце концов они пришли в ангар, где ранее стояли шаттлы. Огромное помещение, выдолбленное в скале с закрытыми створками ворот в потолке, было сейчас заполнено многочисленными капсулами, большими и маленькими. К одной такой круглой прозрачной капле наемник подвел Риву.

— Заходи, — Арт приложил ладонь к пластику, и открылся узкий проем, в который мог пройти один человек. Рива с опаской стояла и смотрела на открытую дверь.

— Не бойся, — Арт кривовато улыбнулся, — это мобильные переносные автономные камеры.

Там есть биотуалет, душ, холодильник с небольшим запасом воды и еды. И, конечно, кровать. Сейчас я затемню стены, запру тебя, и ты поспишь. До утра тебя никто не побеспокоит.

Рива медленно вошла в камеру и обернулась. Арт закрыл дверь и набрал запирающий код на сенсорном экране.

Девушка тоскливо смотрела на него через прозрачный купол. В уголках глаз еще блестели слезы. У наемника вдруг защемило внутри... Что это? Нежность? Жалость?

Почему то ему хотелось оградить ее от трудностей, от страха, от боли. Защитить, спрятать ото всех... Откуда эти странные желания? Неужели, он испытывает к ней отеческие чувства? «Нет», — сразу же отмел эту мысль Арт. Отечественными чувствами здесь и не пахнет. В черной глубине его естества, там, где он прятал самые постыдные тайны и сожаления, сидело воспоминание, которое он хотел поскорее забыть, как страшный сон.

Тогда, на вечеринке у Забира, когда девушка начала петь, Арт почувствовал такое сумасшедшее возбуждение к закутанной в паранджу наложнице, что когда он увидел лицо девушки, почти девочки, он чуть не умер со стыда.

«Эта тайна умрет вместе со мной, — решил мысленно Арт, — а завтра я придумаю, что делать с

ней».

— Ложись спать, — наконец произнес мужчина.

Рива согласно кивнула, но не двинулась, продолжая смотреть через стекло. Арт вдруг осознал, что мог бы так стоять вечно, вглядываться в ясные чистые глаза этой девочки. Он резко хлопнул ладонью по куполу и тот сразу же помутнел, превращая фигуру Ривы в темное размытое пятно. Арт еще раз провел ладонью по пластику, словно лаская, и быстро пошел на выход.

Он отдал Риве свою камеру для отдыха. Теперь хотя бы будет знать, что она в безопасности, тревога, наконец, уляжется. Арт усмехнулся и пошел еще раз проверять посты. Предстояла вторая бессонная ночь.

* * *

Утром прибыло руководство, комиссия из чиновников, журналистов, технические работники и судейские автоматы. Генерал Карсон принял у Арта командование вместе с полным отчетом о проделанной работе.

— Молодец, сержант Крок, — Карсон назвал Арта его бывшим званием, которого он лишился, уйдя с полиции. — Не хочешь к нам обратно?

— Каждый раз при встрече Вы задаете один и

тот же вопрос, — Арт улыбнулся, пожимая руку генералу. — И Вы знаете, что я отвечу.

— Нам нужны такие, как ты, — Карсон тяжело вздохнул, — у тебя большой потенциал и могли бы быть перспективы, если бы...

— Вот именно, — резко и категорично прервал генерала Арт, — звание сержанта — мой потолок в полиции. Возможно, еще дадут лейтенанта лет через десять. Выше мне не подняться. Так что, это бесполезный разговор. Я сейчас зарабатываю намного больше, чем у вас...

— Если ты считаешь, что деньги — это главное... — начал было Карсон, но его прервали.

— Судебные машины установлены, — техник козырнул, — можно начинать вынесение приговоров?

— Да, начинайте, — разрешил генерал и обернулся к Арту. — Мы еще поговорим...

Арт только пожал плечами. Он давно уже все решил для себя. Почти двенадцать лет он отдал Комиссии. Служил верой и правдой, проливая кровь за Федерацию. Подавлял восстания на планетах третьего круга, уничтожал террористов, бомбил города и убивал ради высокой цели. Хватит. Кроме опыта обращения со всеми видами оружия, управления техникой, шаттлами и умения писать рапорты он еще заработал четыре искусственных сустава, титановые ребра, пластину

в черепе, тридцать процентов пересаженной синтетической кожи и две операций на глазах.

Когда-то он уверенно взбирался по карьерной лестнице, в будущем планировал возглавить патрульный крейсер с сотней солдат на борту, но в какой-то момент споткнулся.

Когда Арту было тридцать, его бывший подчиненный, мальчишка двадцати пяти лет от роду, получил лейтенанта, тогда как Арт по-прежнему оставался сержантом. В тот момент Арт впервые задумался. Раньше он не обращал внимания на приходящих и уходящих вверх по карьерной лестнице выскочек. Но наступил момент, когда несправедливость стала невыносимой.

Его происхождение оставляло желать лучшего. Сирота с отсталой планеты третьего круга не мог претендовать на высокое звание, будь он хоть семи пядей во лбу. Арт написал рапорт об увольнении и начал работать на себя.

* * *

С раннего утра в усталом мозгу наемника, словно глыбы, перекатывались тяжелые мысли. Он не мог решить, что делать с девочкой — певицей, запертой в его комнате. А разговор с генералом, взбаламутивший застарелые обиды, еще больше вогнал в тревогу и страх. Вот-вот начнется

сканирование и вынесение приговоров, и Арт хорошо знал, что ждет пиратов, как и их детей и жен.

Законы на всех двадцати трех обитаемых планетах были едины для всех. Эти законы столетиями насаждали (где почти безболезненно, где тяжелыми бомбами и авиаударами) правители планет первого круга.

С одной стороны, Арт считал закон и порядок основой мироздания. Тем скрепляющим раствором, который не дает хаосу поглотить галактику. С другой — иногда он ненавидел этот идиотский Кодекс.

Главным считалось законность и регистрация рождения. Имена родителей, место рождения и другие характеристики заносились сразу же после появления на свет младенца в электронный чип, навечно прикреплялись к телу ребенка, и были с ним до самой смерти.

Рождение на планетах, входящий в первый круг власти, априори давало наивысший статус. Самыми древними и родовитыми фамилиями оставались те, которые обитали на Земле. Первородная планета превратилась в загородный дом, некую закрытую заповедную зону, где рождалась верхушка иерархии галактики. Аристократы. Не то, чтоб не было планет лучше Земли, с более комфортной атмосферой,

благодатной погодой, уникальной природой и животным миром. Конечно, были. Но Земля до сих пор носила высочайший статус.

Богатство давно уже перестало быть чем-то выдающимся. Богатым можно было стать, открыв месторождение урана на отдаленной планете или изобрести новую модель андроида. Нуворишей и выскочек, разбогатевших таким способом, было не сосчитать. И чтобы как-то выделиться, придумали привилегии по рождению.

Планеты, в зависимости от уровня жизни, делились на первый, второй и третий круги. В первый круг входили три планеты — Земля, Гриз и Альван. Гриз и Альван были последними, которые заселили и колонизировали земляне. Почти триста лет подряд выходцев с этих планет выбирали председателем Совета Федераций.

Учебные заведения на планетах первого круга считались самыми престижными и привилегированными. Студенты, окончившие их, получали первейшее право на удачное распределение по специальности с высокой заработной платой. Остальные, родившиеся не в столь элитных семьях, становились в очередь на поступление и брались за любую работу.

Второй круг насчитывал десять планет с хорошо развитым уровнем жизни. В третий входили все остальные. И только что открытые

тоже. Рожденным на отдаленных планетах приходилось самим прокладывать дорогу, добиваться цели, бороться или... Заплатить.

Людам, рожденным в первом круге, сразу же выпадал счастливый билет. Университеты, библиотеки, художественные школы, гимназии и колледжи с лучшими преподавателями. Например, окончившим высшую военную академию на Грize, сразу же давали возможность управлять крейсером и звание лейтенанта через несколько лет.

Но не думайте, что можно было прилететь на Землю и спокойно родить ребенка, и он тут же станет аристократом. Мало того, что действовало ограничение рождаемости по семьям, но еще и один из родителей должен был родиться на Земле. А просто так выходцы из земных семей не женились... Отбор велся жесточайший, жены (как и мужья) выбирались по исключительным параметрам, и генетическим, и социальным, и физиологическим. Поэтому такая селекция и давала на выходе незаурядных, почти что идеальных индивидуумов, которые потом занимали высшие посты в Комитете, Правительстве Федерации и так далее.

Многие подозревали, что в генетику детей, рожденных на Земле, вмешивались ученые, улучшая ДНК. Но если это и происходило, то держалось все в строжайшем секрете.

Родиться на отдаленной планете было само по себе плохо, но не смертельно. Можно было упорно учиться, трудиться и выбиться в люди.

Хуже этого было только родиться совсем без паспорта. Были такие планеты (как та, на которой родилась Рива), которые не входили ни в один из кругов. И люди, родившиеся на них, являлись отщепенцами, изгоями, преступниками. Вне закона, вне цивилизации, вне бытия. Их старались вычеркнуть и тихонько стереть из истории. Они все равно нигде бы не смогли найти работу, жилье или пропитание. Таких людей обнуляли и стерилизовали, словно их вообще не было на свете.

* * *

Три судейских автомата в полдень начали прием арестованных. Пленники, которые попали на планету в результате набегов пиратов, с действующими паспортами уходили быстро. Их проверяли и отсортировывали по планетарному статусу, сразу же грузили в транспортные корабли для передачи в руки местной полиции и отправки на свои родные планеты. С пиратами и рожденными здесь, на Эпсилоне, было сложнее.

Незадолго до начала процедуры Арт открыл дверь в камеру, где находилась Рива. Девушка сидела на заправленной кровати, стараясь не столь

явно трястись. Поспать так и не удалось. В куполе ее накрыла полнейшая абсолютная тишина, и это жутко пугало. Ей казалось, что она отрезана от мира, одна одинешенька во вселенной, и что ее ждет — неизвестно. В конце концов Рива приняла душ, вымыла голову и остальную часть ночи сидела на кровати, обняв колени и вслушивалась в звенящее безмолвие.

Сейчас вокруг ее глаз проступила синева, острые скулы еще больше заострились, плечи горестно поникли. Кожа приобрела нездоровый землистый оттенок. Арт с усилием задалвил вспыхнувшую жалость к девушке.

— Выходи! — он отступил от проема. — Сейчас я отведу тебя к приёмному пункту. Станешь в очередь к анализатору. Понятно?

Рива кивнула. Ей ничего не было понятно, но переспрашивать не стала. Ее судьба давно не принадлежала ей самой. Ее несло, как щепку по течению, и что бы ни случилось, она не в силах этому помешать.

— Ну, скажи хоть что-то, — вдруг произнес наемник, девушка удивленно подняла глаза.

Арту до безумия захотелось услышать ее голос. Он вдруг понял, что после того пения он ни разу не слышал, как она говорит.

— Спасибо вам за все, — тихонько и мелодично произнесла девушка, и Арт

почувствовал, как по телу пронеслась дрожь.

Горло болезненно сжалось, сбивая дыхание. Почему на него так действует ее голос? Что в нем такого завораживающего? Арт хрипло прокашлялся.

— Не за что, — буркнул прохладно. — Ладно, пойдем.

Оставив девушку стоять в очереди из женщин и детей, Арт зашел в блок анализатора.

— Ты что здесь делаешь? — к нему обернулся Люк, техник, обслуживающий судебный автомат. — Любопытство обуяло?

— Что-то в этом роде, — произнес рассеянно Арт.

Сел рядом в кресло и стал наблюдать за работой техника. Люк внимательно смотрел на экран компьютера. С другой стороны прозрачного стекла находилась небольшая комната с одним единственным креслом посередине. Кресло представляло собой половину серебристого кокона с миллионами датчиков, опутанное проводами. Это и был судейский автомат. В данный момент в кресле сидела пожилая изможденная женщина. Она смотрела пустым взглядом перед собой и могла видеть только свое отражение напротив.

На экране компьютера появилась информация: «Инга Питерс, планета третьего круга Дюз 25, отец... мать... возраст, группа крови,

генетический код и еще десятки параметров, находящиеся в электронном паспорте. Параллельно механический голос задавал бесконечные вопросы: «По своей ли вы воле?...», «Принимали ли участие?...», «Знали ли вы о?...», «Чем занимались на Эпсилон 325?...» И так далее... Женщина что-то бубнила, на экране отображались схемы и графики анализатора. В конце концов Люк нажал несколько кнопок, и механический голос произнес: «Инга Питерс, невиновна. Пройдите в первую дверь, вы отправляетесь домой». Женщина испустила душераздирающий крик, громко, отчаянно зарыдала и, всхлипывая, размазывая слезы по лицу, побежала к двери с надписью «один».

Зашла другая претендентка. Процедура повторилась. Арт спокойно сидел, невозмутимо наблюдая за работой судебного техника. Люк иногда кидал на него любопытные взгляды, но тот не реагировал. О Хамелеоне ходило много разных слухов. И правдивых, и не очень. Ранее, когда наемник работал в полиции, они несколько раз сталкивались на таких вот карательных операциях, но близко знакомы не были. И сейчас Люка съедала смесь робости, восхищения и любопытства. В полиции уважали бывшего сержанта. И пусть он не мог похвастать своим происхождением, но и Люк в свои сорок лет был все лишь техником, придатком судебной машины...

Вдруг наемник встрепенулся и впился пристальным взглядом в экран. Люк с удивлением увидел в комнате напротив худую молоденькую девушку, почти девочку, садящуюся в тест-кресло.

В компьютере появилась надпись: «Испытуемым заявлено имя Ривальдина. Паспорта нет. Биологический возраст: шестнадцать полных лет, три месяца и четырнадцать дней. Группа крови... вес... рост... — он пропустил, читая дальше. — Предположительно дочь пирата. Родилась на Эпсилон 235. Виновна. Наказание — полное стирание памяти и отправка на планету Омега 41».

— А вот теперь слушай, — прошелестел голос сидящего рядом с Люком наемника.

Техник поежился от внезапно охватившего его озноба.

— Ты сейчас введешь данные о возрасте девушки. Двенадцать лет без одного месяца. И получишь в должники меня и сумму в сто тысяч кредитов переводом на карту. Как тебе такое предложение?

— Но ведь, — Люк опасливо покосился на хмурое лицо Хамелеона, — минус четыре года, это много.

— Ты посмотри на нее, ей больше двенадцати не дашь.

Люк задумался. Девушка действительно не

выглядела на шестнадцать. Некрасивое узкое личико, тонкие щиколотки, выглядывающие из-под грязного мятого балахона, худые изможденные руки, конвульсивно вцепившиеся в подлокотники кресла. Только огромные бездонные глаза выделялись на бледном лице. Что он в ней нашел?

— Но машина отметит ручной ввод данных, и вмешательство смогут отследить впоследствии... — Люк неуверенно перевел взгляд на наемника.

— За это я даю тебе сто тысяч, намного больше того, сколько нужно, чтобы решить эту проблему. А иметь в должниках меня, — Арт прищурился и Люк вздрогнул от неясной угрозы, — дорогого стоит. Ты же не знаешь, что тебя ждет в будущем... И какие потребуются связи...

— Но закон... — предпринял последнюю попытку Люк.

Хамелеон растянул губы в хищной ухмылке.

— Хорошо, хорошо, — Люк вдруг почувствовал, как взмокла спина, и заледенели ступни. — Я сделаю, что ты просишь.

Наемник кивнул и отвернулся к стеклу. Люк быстро ввел необходимую информацию. Человек не мог повлиять на вынесение приговора. Он мог только подправить входные данные для машины. Судебный автомат сам оглашал вердикт, исходя из поступившей информации и знаний, вложенные в

него из тысяч томов законотворчества человечества за сотни лет.

Вмешательство в судебный процесс было минимальным. Изменение возраста, самое большое, что Арт мог сделать для Ривы.

По Закону Федерации стиранию памяти подвергались опасные преступники, изменники, террористы и пираты. Исходя из важности операции по обезвреживанию банды пиратов (по статусу она приравнивалась к военной компании), всех, кого захватили без паспорта на Эписилон 325, автоматически относили к пиратам. Даже тем, у кого были паспорта, предстояла тщательная проверка на детекторе и сканирование мозга.

Но была небольшая лазейка. До двенадцати лет любой человек считался несовершеннолетним, и общее правило на них не действовало. Девушку все же осудят и отправят отбывать срок, но хотя бы не превратят в овощ. Пусть законы в Федерации и жестоки (обычный человек десять раз подумает, нарушить его или нет), но вынесенный один раз приговор пересмотру не подвергался. Это значит, что встретиться Риве с судебной машиной еще раз не придется. Если только она сама не возьмется убивать направо и налево, что совершенно исключено.

Арт вздохнул. Лучше бы смертную казнь не отменяли. Неизвестно, что лучше — быстрая

безболезненная смерть или существование в виде растения без мыслей, чувств и желаний. Но это не его дело, судить о принятых законах, правильности их или нравственности.

Механический голос в комнате вынес приговор: «Ривальдина. Вы приговариваетесь к заключению на планете-тюрьме Омега 41. Срок двадцать лет. Выход в третью дверь». Девушка за стеклом встала и неуверенно застыла возле кресла. Она смотрела в зеркало перед собой и видела только отчаяние и безнадежность. Двадцать лет заключения. За что? Она же не выбирала, где ей родиться... Глаза набухли слезами.

Голос, казалось, раздраженно добавил: «Прошу очистить помещение. Вы задерживаете очередь». Рива вздохнула и медленно побрела к третьей двери.

И не видела, как за стеклом, в темной маленькой комнатке с компьютерами, хмурый бледный наемник провожал тоскливым взглядом ее сгорбленную спину. В настоящий момент Арт вел яростную войну с самим собой. Внутри него сцепились насмерть два голоса — трезвый голос рассудка и голос сердца.

— Двадцать лет?! Это же очень много! Я не ожидал... — сердце болезненно сжалось.

— Ничего, ей будет всего тридцать шесть, еще сможет устроить свою жизнь после выхода из

тюрьмы. Я сделал все, что мог, — сказал рассудок.

— Нет, не все. Ты мог бы сделать больше, — шепнуло сердце.

— Не мог.

— Знаешь же, что есть еще один способ, — ехидно добавило подсознание.

— Нет! — Арт категорично закрыл рот своему второму я. — Это полностью исключено.

— Признайся, в глубине души ты рассматривал эту возможность?

— Вопрос закрыт. Я сделал все, что смог на данный момент, — мысленно подвел черту наемник. — Я дал девушке шанс. Как она им воспользуется — ее дело.

Арт развернулся, кивнул застывшему возле компьютера Люку и решительно вышел за дверь. Сердце щемило от какой-то неясной потери. Словно он прошел мимо чего-то прекрасного, необходимого и важного, но в кутерьме не заметил этого чуда...

«Я сделал, все, что мог», — еще раз повторил про себя Арт и выбросил образ девушки из головы. Впереди более насущные проблемы...

Часть 2. Омега 41

— Рива! Ну, сколько можно! — обиженно завопила Дана, увидев бегущую навстречу

девушку. — Опять пела этим растениям?

— Они не растения! Они чувствуют! — Рива притворно насупилась. — И даже иногда подпевают.

— Ничего они не подпевают, — хмыкнула Дана и принялась накрывать на стол. — Мычат в такт, а тебе кажется, что поют...

Рива не ответила, побежала к ионному умывальнику и протянула руки. Знала, что в глубине души Дана согласна с ней. Не только она заметила, что их подопечные становятся более спокойными, когда Рива им регулярно поет. И обязательные тесты сдают лучше, чем остальные по секторам. Даже научились самостоятельно одеваться и ходить в туалет. Чем не могли похвастаться заключенные других секторов.

— Опять не завтракала, убежала к заключенным... На обед опоздала... — бурчала под нос Дана, расставляя тарелки.

— Дан, — Рива подошла ближе и примирительно погладила подругу по руке, — я вечером пойду петь им колыбельные, может, и балладу спою, — Рива лукаво улыбнулась. — Пойдешь со мной?

Дана посопела, походила по комнате и уселась за стол.

— Пойду, — пробурчала она, — ты же знаешь, как я люблю твои баллады... И не только

я... Думаю, опять соберется весь сектор. И соседние прилетят.

— Вот и замечательно! — заулыбалась девушка. — Ты любишь слушать, а я люблю петь! Мы прекрасно дополняем друг друга!

Дана только вздохнула. Рива была яркой звездочкой. Настоящим, непревзойденным талантом. Красавицей, умницей с золотым характером. И Дана искренне не понимала, за что ей дали двадцать лет заключения. Нет, Рива рассказала ей свою историю... Отец пират, убийца. Она родилась без паспорта на отверженной планете, которая уже не существовала в галактике, так как ее распылили на атомы. Законы Федерации для всех одинаковы, но иногда Дана ненавидела их.

Она познакомилась с Ривой год назад, когда Дану перевели на Омегу-41 работать надзирателем. До этого Дана Маерс служила в космической полиции и была штурманом крейсера, патрулирующего орбиты первого круга. Девушка закончила военную академию на своей родной планете второго круга и успешно продвигалась по службе, пока на ее пути не встретился Эдмунд Золдер, выходец из Гриз, выскочка и мерзавец. Прямых намеков и посылов подальше он не понимал. Понял только тогда, когда Дана сломала ему челюсть на тренировке прекрасным хуком справа в ответ на наглые ощупывания и

заблудившуюся руку на попе. Начальство ей этого не простило и перевело на Омегу-41 присматривать за заключенными, а точнее в ссылку, сроком на пять лет.

* * *

После отмены смертной казни нужно было куда-то девать особо опасных преступников, которые чудом избежали смерти. А их оказалось немало.

Сначала правительство хотело погрузить таких преступников в стазис и заморозить, но встал вопрос: «На какой срок?» и «Что с ними делать дальше?»

Тут встряли ученые с предложением заодно протестировать новое изобретение — стиратель памяти. Что останется от личности, после обнуления? Сможет ли человек полностью восстановить функции организма? Сможет ли стать опять индивидуумом? Как долго этот процесс займет? И какова будет новая личность? Эти и многие другие вопросы прорабатывались на Омеге-41. Планета стала таким полигоном для исследований разума. Профессора писали диссертации, проводили тесты, рисовали графики, Федерация смогла отрапортовать избирателям, что проблема смертной казни решена, показывая по

телевидению идиллические картинки из жизни преступников. Как они медленно бродят по зеленому лужку в белоснежных балахонах, радуются солнцу...

Планета Омега-41 действительно была райским уголком. Правительство выбрало ее из сотни планет земного типа за ее равномерную удаленность от Земли, Гриз и Альван. Без жалости переселило живущую на ней небольшую группу буддистов и сделало ее федеральной тюрьмой. Планету поделили на сектора и построили в каждом секторе бараки для заключенных. На сто тысяч «растений» (как их здесь называли) приходилось трое полицейских — надзирателей. Осужденные за проступки средней и легкой тяжести, у кого память не была стерта, работали на кухне, помогали убирать помещения, присматривали за аппаратурой, техникой. Наблюдали за автоматической уборкой урожая на полях, засеянных беспилотниками, и много чего другого.

* * *

За три года нахождения на Омега-41 Рива научилась многому. Готовить еду с помощью кухонных комбайнов, отдавать приказы роботам, программировать погодники. Даже водить небольшой двухместный флайер.

Сразу же по прибытию она прошла медицинское обследование. Ей сделали гормональную репродуктивную блокировку и закрепили на лучевой кости временный тюремный паспорт. Если она и удивилась своему возрасту — двенадцать лет и фамилии Фаунд, то никак не отреагировала. У нее были гораздо более яркие и сильные впечатления.

Рива, наконец, увидела солнце!

Первые месяцы она даже не могла ничего делать, только ходила с блаженной улыбкой, смотрела вверх, в небо, ловила губами ветер и пила воздух, как заядлый алкоголик хмельное зелье.

Как прекрасен мир! Как великолепен! За три года жизни на Омеге она не уставала каждый день радоваться солнцу, ветру, траве. Благодарить космическую полицию (и заодно хмурого невзрачного наемника, лицо которого она уже забыла), что вытащили ее из подземелья.

Территория сектора была огромной. Заключенные жили (если можно так сказать) в прекрасных условиях. Автоматические душевые и туалеты (правда, их надо было подвести под блин над головами, чтобы потекла вода, или посадить на толчок), прекрасная природа вокруг — леса, озера, луга. Каждый месяц приезжали ученые и проводили тесты. Замеряли всплески мозговой активности, задавали вопросы, внимательно слушали ответное

мычание «растений». Рива в такие дни убегала подальше и старалась не расплакаться. Так ей было больно смотреть на своих подопечных, которых мучают умники в халатах. Ну и что, что большинство из них в прошлом убивало и насиловало. По крайней мере, ей так говорили надзиратели... Рива скептически поджимала губы, помня, как сама здесь оказалась...

Для надзирателей в центре сектора были построены отдельные двухэтажные бунгало, обычные заключенные жили каждый в своей отдельной комнате в многоэтажных домах, расположенных вокруг команд-центра. Рива была счастлива! У нее была отдельная ванная комната, спальня, маленькая кухонька и балкон. Оказывается, в тюрьме у нее были даже лучшие условия жизни, чем во дворце у Забира.

Рива к восемнадцати годам наконец расцвела. Наверное, ей просто не хватало солнца, словно цветку, который не мог распуснуться во мраке. Увы, она не стала такой же ослепительной красавицей, какой была ее мать. В памяти Ривы внешность Феа сохранилась, как недостижимый идеал, дивная чарующая картина, нарисованная талантливым художником. Феа была как солнечный свет, хрупкая, неземная, словно произошла не из этого мира.

Рива же оказалась просто миловидной. Но

зато более земной и женственной. Худоба и угловатость ушли. На смену им пришли изящные соблазнительные округлости в нужных местах. Высокие острые скулы обрели форму и вместе с полными губами, узким подбородком и широко посаженными глазами сделали лицо если не прекрасным, то запоминающимся. Немного внешний вид портил длинноватый нос. Однако глубокий томный взгляд миндалевидных глаз проникал в самую душу. А неумный оптимизм и покладистый характер заставлял с улыбкой провожать девушку взглядом.

Но главные метаморфозы происходили тогда, когда Рива начинала петь. Она внутренне преображалась, и в тот момент никто не посмел бы сказать, что она не прекрасна. Ее одухотворенное лицо расцветало и сияло неземным светом.

Их сектор обрел невиданную популярность. Из соседних на флайерах прилетали надзиратели. Молодые и не очень. Большинство просто посмотреть и послушать красивую певицу, некоторые настойчиво приглашали на свидания...

Ничего не изменилось — Рива по-прежнему боялась мужчин, опускала взгляд, краснела, пряталась в бараках у «растений» или уходила в лес. А возраст в пятнадцать лет (стоящий в паспорте) отпугивал остальных.

Дана убеждала Риву, что не все мужчины

грубияны и насильники. Что ничего бы с ней не случилось, если бы она приняла приглашение Роба или Денни, надзирателей с соседнего сектора. Сама Дана разнообразно проводила вечера то с одним кавалером, то с другим. Рива с ужасом слушала о победах своей подруги. У нее не укладывалось в голове, что девушка может выбирать себе сексуального партнера, отказывать одним мужчинам или принимать знаки внимания других... Что она свободна в своих предпочтениях и именно мужчины добиваются ее расположения.

Для Ривы, воспитанной в строгости и преклонении перед сильным полом, новые правила были непонятные и пугающие.

Дана заверяла подругу, что мужчины и женщины абсолютно равны в правах. Им предоставлены одинаковые возможности в получении образования и работы на всех планетах Федерации. Она учила ее не бояться говорить «нет». Отказывать или даже грубить. Учила давать сдачи. И не только совестно.

— Но они же больше меня и сильнее, — лепетала Рива, — как я могу?...

— Физическая сила не преимущество. Я покажу тебе пару беспробитных приемов, которые могут согнуть в бараний рог любого мужчину. Кроме профессионала, конечно...

— Я не посмею...

Дана только смеялась над робостью Ривы. Сама она выросла в семье военных, выбрала своей профессией служение Федерации. Она была такой смелой и сильной, ничего не боялась, меняла любовников, тренировалась наравне с мужчинами, дружила с начальником тюрьмы, и Рива втайне восхищалась ее отвагой и решительностью.

Дана была старше Ривы на десять лет. И чувствовала себя, если не матерью, то как минимум старшей сестрой Ривы.

Она сменила на посту Зига, тот вышел на пенсию. В их секторе были еще два надзирателя — Кэтрин и Сэм. Они недавно поженились и особо не интересовались заключенными, проводя все время или в кровати, или на пляже. Супружескую пару должны были скоро заменить на новых надзирателей, а пока Дана с Ривой заправляли всем.

* * *

— Я сегодня видела своего брата, — грустно произнесла Рива, когда они вечером пили чай на веранде в бунгало. Рива жила в бараках вместе с остальными заключенными, но иногда оставалась ночевать у подруги.

— Это того, который закрыл тебя в темном коридоре?

— Их было трое, — уточнила Рива и,

помолчав, добавила, — знаешь, мне его стало жаль... Кадир меня не узнал. Сейчас в его глаза нет ни ненависти, ни злобы, ни интереса. Ничего... Это страшно, Дана.

— А мне его не жаль... — фыркнула девушка и перевела взгляд на кроваво-красное солнце, опускающееся за горизонт. — Если то, что ты мне рассказывала о своем детстве, правда, я бы его сама удушила.

Рива тяжело вздохнула.

— Я иногда думаю... что где-то на Омеге бродят мои остальные старшие братья, сестры, и даже отец... Вот так, без чувств, без мыслей, без памяти... — перевела взгляд на Дану и страстно, с надрывом воскликнула. — Ну почему они так мало живут?! Я читала статистику. После стирания памяти люди живут в среднем от десяти до пятнадцати лет. А некоторые и меньше.

— Говорят, что вместе с памятью стираются и инстинкты, рефлексy. Подсознание, заложенное в глубоком детстве. Ты же видела, у них теряется способность даже самостоятельно есть, пить, ходить в туалет. Всему нужно учить сначала. Те, кто не может учиться, умирают быстро. Те, кто заново обретает навыки, живут дольше... Наш профессор пишет диссертацию об этом.

Дана говорила совершенно равнодушно. Словно речь шла не о живых людях, а о

подопытных кроликах. Рива с возмущением уставилась на подругу.

— Как ты так можешь? Ведь если бы не ошибка судейской машины или сбой в системе, меня бы тоже стерли. Сколько таких здесь, на Омеге, подобных мне? Кто виноват лишь в том, что родился не в том месте!

— Рива, успокойся, — Дана примирительно погладила ее по руке, — твой случай уникальный. Ошибка в системе или чье-то вмешательство, но тебе повезло с паспортом... Хотела бы я скинуть четыре года со своего возраста, — заулыбалась она. — А еще лучше все десять...

Девушки рассмеялись. Хорошее настроение было восстановлено.

— Может, выпьем что-нибудь покрепче? — вдруг предложила Дана. — У меня есть мартини. Эрик принес вчера, но до него мы так и не добрались... — хихикнула она.

Мартини пошло на ура. Солнце уже полностью скрылось за горизонт. Заметно стемнело и посвежело. Дана включила ультразвуковой отпугивать насекомых, Рива принесла пледы. Разговор то разгорался, то утихал... Плавно переходя с воспоминаний детства на местных поклонников.

— Я все размышляю, как тебе помочь улететь отсюда, — вдруг неожиданно произнесла Дана.

— Зачем? — удивилась Рива. — Я счастлива. Мне так хорошо здесь.

— Как ты можешь так говорить?! — мгновенно вспыхнула раздражением Дана. Она резко села, напряженная, с идеально ровной спиной. — А не забыла, что ты живешь в тюрьме?! Ты не можешь улететь с планеты. Впереди еще семнадцать лет! Ты только подумай!

— Ну и что? — Пожала плечами Рива. — Здесь есть солнце, небо, трава. Я могу петь сколько угодно. Пищи и воды вдоволь. У меня есть друзья. Слушатели. Люди, которые ждут меня, которым я нужна.

— Слушатели? — Дана обидно фыркнула. — Эти «растения»? Или старички-надзиратели? Этим ты нужна?

— Все равно, — Рива ничуть не обиделась. — Я счастлива.

— Как мало тебе нужно для счастья, — пробурчала Дана.

Рива безмятежно улыbnулась.

— Я родилась и прожила шестнадцать лет в гораздо худших условиях. Вот это была настоящая тюрьма... А здесь... — Рива глубоко вздохнула, — прекрасно.

— Ты могла бы зарабатывать миллионы своим голосом. Петь в лучших концертных залах. Ты стала бы богатой и знаменитой... Весь мир был

бы у твоих ног.

Рива на секунду задумалась.

— Я не знаю, что делать с миллионами. У меня никогда не было денег, да и толпы боюсь. А еще... Я ведь не училась нигде. Все, что я знаю, это старые мамины песни и то, что я успела прочитать в книгах.

— Я займусь твоим образованием, — глаза Даны загорелись азартом, — у меня есть обучающие программы, записи. На крейсере, в свободное от службы время, я проходила курс дистанционного обучения в университете.

— Правда? — Рива наконец оторвалась от созерцания природы и приподнялась с кушетки.

— Правда, — улыбнулась Дана, — и я все-таки подумаю, как помочь тебе с досрочным освобождением.

* * *

— Это поразительно! — воскликнул профессор Митчелл, пожимая руку Риве. Та смущенно опустила глаза. — Сегодня я получил прекрасные результаты в вашем секторе. Я планирую записать на диск несколько ваших песен и прокрутить в тестовом режиме в других секторах. Посмотрим, что получится.

Дана самодовольно вышла вперед.

— Если защита вашей диссертации пройдет успешно, нас тоже наградят? — лукаво произнесла девушка.

Рива дернула ее за рукав, прошептав:

— Что ты такое говоришь?

— Конечно, милочка, — профессор отмахнулся. — Я упомяну ваши имена в материалах. А сейчас, Рива, пропой что-нибудь веселенькое, я хочу замерить мозговые всплески в момент слушаний.

Рива кивнула и взяла первую ноту.

Никто ее не учил петь. Рива не знала нот, не разбиралась в гаммах, диапазонах и октавах. Но у нее был великолепный слух, который искупал все. Рива могла услышать пение яркохвостой тиллы, что водилась в лесах Омеги, и тут же напеть ее мелодию. Те стихи, прочитанные в книгах, и редкие песни, которые она помнила с детства, с течением времени совершенно изменили свое звучание. Рива интуитивно экспериментировала с тональностями, мелодией, стилями. В ее исполнении даже простенькая колыбельная, которую ей пела мама, превращалась в восхитительную чарующую сказку. А от ее веселых заводных песен у всех слушателей поднималось настроение, и улыбки озаряли лица.

— Зачем нам упоминания в научных трудах? — поинтересовалась Рива у Даны, когда те летели назад на базу.